

ШИРОБОКОВА Н.Н.

ФОРМИРОВАНИЕ ОППОЗИЦИИ В СИСТЕМЕ ШУМНЫХ СОГЛАСНЫХ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ.

Целью работы является описание путей формирования оппозиции в системе шумных согласных в тюркских языках Сибири. Языком описания выбран якутский язык, в котором представлены закономерности, свойственные разным языкам Сибири. Предварительно эти языки можно разделить на 4 типа, различающиеся позицией в которой возможно фонологически значимое противопоставление шумных согласных: 1) языки, в которых противопоставление возможно в анлауте, инлауте и ауслауте - тофский язык; 2) языки, в которых противопоставлены шумных возможно в анлауте и инлауте - якутский и

долганский; 3) языки, в которых шумные противопоставлены только в инлауте - южные диалекты алтайского языка; хакасский, шорский и северные диалекты алтайского.

В отдельную 4-ую группу выделяется тувинский язык, в котором шумные противопоставлены в анлауте, в инлауте шумным слабым (звонким) противопоставлены глухие геминаты, которые правомерно рассматривать как сочетание согласных, а не как особые фонемы. Якутский язык может быть включен в одну группу с тувинским языком, т.к. в этих языках оппозиция согласных по степени напряженности, которую некоторые исследователи восстанавливают для пра-тюркского языка, утратилась, но нашла отражение в системе гласных - в якутском сформировалась так называемая первичная долгота, и в тувинском фарингализация гласных. С другой стороны якутский может быть объединен в одну группу с языками типа алтайского и хакасского, т.к. в своем развитии он прошел этап, когда шумные были противопоставлены только в инлауте, как и в этих языках в настоящее время - оппозиция шумных в анлауте в якутском явлении относительно позднее.

Фонетические модальные оппозиции рассматриваются в двух аспектах: в их связи с предшествующим состоянием языка, с праязыковым состоянием близкородственной языковой группы, языковой семьи; в их связи с конкретной историей языка - языковыми контактами, влиянием субстрата при смене территории, позднейшими языковыми изменениями.

Оппозиция б//п в якутском имеет место в анлауте и инлауте. По характеру употребления губных согласных в анлауте якутский язык довольно близко стоит к языку рунических текстов, в которых регулярно употреблялся b-, а в некоторых говорах перед следующим носовым m- (Gabain, 1950, s.52-53, 342). В древнетюркском языке p- употреблялся в словах, заимствованных из санскрита, китайского и иранских языков, хотя в отдельных случаях p- появлялся и в исконных тюркских словах (Brockelmann, 1954, § 3a). О происхождении анлаутных губных согласных существуют различные точки зрения, определяемые тем, как их сторонники решают вопрос о характере пратюркского анлаута. Те, кто отрицает наличие в пратюркском языке оппозиции по силе-слабости (звонкости-глухости) в системе шумных, восстанавливают *p-, который "в чувашском, хакасском и шорском отразился в относительно сильном глухом, а по

другим тюркским дал звонкий или полузвонкий b-” (Щербак, 1970, с.89-90, 163). Другие восстанавливают в пратюркском *b- и *p- (Ramstedt, 1957, s.39-40; Poppe, 1960, s.9-12; Dærfer, 1963, s.97).

Вероятность существования в пратюркском языке *p-, исчезнувшего в тюркских языках через ступень h (у Рамстедта: *p-> *f>*ph>h>ø) подтверждается наличием этого звука в ряде тюркских языков, а также тибетской транскрипцией древнетюркского h- (Пона-Таш, 1974, с.38; Ligeti, 1971, s.188-189; Dærfer, 1971, s.163).

На основании некоторых древних заимствований из якутского языка в эвенкийский Н.Поппе делает предположение, что древнеякутский язык имел *h-<*p-: 1. эвенк. алд. herbek ‘палец’ < др. як. *hārbāk ‘id’, як. эрбэх ‘большой палец’; среднемонг. herekei ‘id’, SH heregei, монг. письм. egekei, халх. егхи ‘id’. 2. эвенк. алд. heksari ‘прикрепляй’ < др. як. *hiksari- > як. ыксары ‘плотно закрытый’ из ыкса- ‘закрывать’ < монг. письм. igči, igču (Poppe, 1973, s.100).

Возможно, что b- (p-)<*p- в нескольких словах сохранился в тюркских языках (Brockelmann, 1954, s.24-25). Одно из этих слов булаан ‘буланный, лошадиная мазь’ в якутском переаимствовано из русского (ср. як. улаан ‘о конских мастьях: мышастая, буланая, соловая’ монг. письм. ulaan, MNT hula’an, орд., калм. ulan, халх., бур. ulaᠨ (подробный разбор этого слова см. Dærfer, 1965, s.366-367). Других следов *h-<(*p-) в якутском языке не отмечено, нет их и в заимствованиях из монгольских языков. Как единственный случай отражения прамонгольского h- в якутском языке St.Kaṭužyŋski приводит слово хокуг ‘тупой, короткий’ монг. Muk. hogag, монгорск. хигшг, монг. письм. oqog, бур. охог (Kaṭužyŋski, 1961, s.57).

В.М.Иллич-Свитыч, опираясь на соответствия в ряде слов монгольскому h- (p-) и тунгусскому p- тюркского b-, который в некоторых тюркских языках отразился как p-, при наличии в системе b- интерпретирует это как сохранение пратюркской оппозиции губных шумных в анлауте. В.М.Иллич-Свитыч, исходя из своей гипотезы о троичном противопоставлении шумных алтайских лабиальных, предполагал следующее их развитие на тюркском уровне: p → тюрк. h->ø-: монг. h>ø-: тунг. p-; p → тюрк. p(>b): монг. ø>h-: тунг. p-: b → тюрк. b-: монг. b-: тунг.-маньчж. b-.

Например: rus ‘пар, испарение’ турецк. pus ‘пар, легкий туман’, кумык. pus, башк. бош ‘пар’, тув. bustal-, башк. бошлан-

‘испаряться’ тунг. pus- ‘дуть’ (эвенк.) hus-, hustan ‘задуть, погасить’, маньчж. fusu- ‘дуть, брызгать’, тюрк. piš- ‘вариться, созреть’ (др. уйг. QBN руш- ‘зреть, попевать’; Rbү pišüg ‘варить’); уйг. (хотан.) piš-, püš, püšüg ‘зреть, созреть, попевать’, (хамийск.) piš ‘вариться, зреть’; тур. piš ‘вариться, печься, преть, созреть’, каз. pis ‘вариться’, ногайск. pis ‘вариться, готовиться, спеть’, туркм. biš ‘печься, готовиться’, як. bus- ‘вариться’; чув. piš- ‘вариться’ ~ монг. *his ‘закисать’; монг. письм. isge-, esge-, isgü- ‘заквашивать, закисать’, калм. is ‘прокисать’.

То есть он предполагает, что, после утраты сильного придыхательного p^c, в ряде тюркских языков сохраняется оппозиция p-b. Это касается в первую очередь двух групп тюркских языков, в первую входят тувинский, тофский, язык желтых уйгуров, саларов, уйгуров урянхайцев. Вторую группу представляют языки огузского круга: турецкий, азербайджанский, туркменский. В сибирском регионе это тувинский и тофский языки, фонологическим признаком систем согласных которых является противопоставление по силе-слабости. Оппозиция p^c-p в тувинском работает только в анлауте, так как звук типа p^c может употребляться только в позиции начала слова перед гласным: пар [p^car] ‘тигр’ ~ бар [par] ‘есть’, паш [p^c aʃ] ‘котел’ ~ баш [paʃ] ‘голова’, пат [p^cat] ‘никчемный’ ~ бат [pat] ‘спускайся’ (Сегленмей, 1979, с.95). Количество слов, в которых употребляется p^c в тувинском, по подсчетам С.Ф.Сегленмей, около шестидесяти. Второй лабиальный шумный согласный p- может реализоваться в звонких, глухих и полузвонких оттенках. В современной орфографии его принято обозначать через б, но он может реализоваться в полностью глухих оттенках, отличаясь от [p^c] степенью мускульного напряжения.

В тофском языке В.И.Рассадин выделил 3 шумные губные фонемы, одну из них [v] - губно-зубную щелевую слабую фонему можно исключить из дальнейшего рассмотрения, так как она употребляется только в словах, заимствованных из русского, лицами, хорошо владеющими русской речью (Рассадин, 1971, с.45-46).

Тофская фонологическая система характеризуется последовательным противопоставлением шумных согласных по степени напряженности во всех позициях, это существенно отличает этот язык от тувинского и сближает его с саларским и языком желтых уйгуров.

В начале слова в тофском языке р употребляется очень редко: рьъз 'пороша', раѣ 'котел' (общее название любой посуды для варки пищи), рок 'насытиться жирной пищей'. Большая часть слов с анлаутным р- в тофском языке заимствована из русского: ра:г 'пара', ро:л 'пол'. Губно-губная слабая смычная ртовая фонема [b] в анлауте может реализоваться как в глухих, так и звонких вариантах. В ряде случаев тувинский и тофский [p-] совпадают:

'котел'	тув. р ^с ај'	- тоф. рас
'насытиться'	тув. рөк	- тоф. рок
'полость щек, защечные мешки у бурундука'	тув. рак	- тоф. рақ

Влияние древнего уйгурского языка на язык населения древней Тувы - это уже достаточно широко принятое в тюркологии положение. По предположению В.М.Наделяева, тюркизировали до этого нетюрское население древней Тувы - чиков, предков современных тувинцев, древние уйгуры, и наличие сильных согласных в тувинском анлауте - это результат влияния уйгурского суперстрата (Наделяев, 1986, с.59). Глухие сильные и слабые согласные, противопоставляемые как фонемы, существовали в языке древних уйгуров Турфана и Ганьсу, которые говорили на языке, отличающемся от карлуко-уйгурского языка таких памятников, как Кутадгу Билик, словарь Махмуда Кашгарского, произведения Ибн-Муханны, Ахмеда Юнеки и Рабгузи (Тенишев, 1963, с.132). Э.Р.Тенишев выделил язык древних уйгуров Турфана и Ганьсу IX-XIV вв. как особый, отличающийся как от языка памятников арабского и уйгурского письма, написанных в тот же период, но в более западных регионах, так и от языка памятников рунического, манихейского и уйгурского письма, найденных в Турфане и Ганьсу, но написанных в более раннее время. Это язык таких памятников как "Золотой блеск", "Жизнеописание Сюань Цзана", тексты, изданные Ф.В.К.Мюллером, В.Бангом, А.Габен, П.Пелльйо, различного рода юридические документы и хозяйственные записи и т.д. Э.Р.Тенишев считает, что в этом языке господствовала система согласных, основанная на противопоставлении сильных аспирированных и слабых неаспирированных q-q^с, k-k^с, t-t^с, p-p^с, s-s^с (Тенишев, 1963, с.132). При реконструкции этой системы автор использовал данные таких языков как саларский и сарыг-уйгурский, где существует противопоставление такого типа.

В языке желтых уйгуров оппозиция губно-губного слабого глухого, иногда слегка озвонченного и губно-губного сильного придыха-

тельного в анлауте имеет фонологический характер: пер 'давать' ~ п^сер 'бить', пыр 'один' ~ п^сыр 'звукоподражание полету птиц' (Тенишев, Тодаева, 1966, с.12). В саларском существует противопоставление такого же типа, причем губно-губная смычная слабая непридыхательная может реализоваться: а) в слегка озвонченном варианте: ру 'этот', реј 'пять', раг 'есть', б) в почти звонком b: big 'один', в) в звонком - beѣ 'пять', bil 'знать' (Тенишев, 1976, с.45). Э.Р.Тенишев считает, что изменение звукового строя этих языков произошло под сильным влиянием китайского, но это касается главным образом субстантивной характеристики согласных, образующих оппозицию. Вопрос о том, образовалась ли эта оппозиция только под внешним влиянием, или здесь можно проследить более древний тип фонологической системы, присущий языку древних уйгуров, остается еще спорным. Провести корректное сопоставление данных всех этих языков, пользуясь только письменными источниками, невозможно, так как графика опирается на традиционную звонкость-глухость и не отражает наличие фонологического противопоставления.

Другой группой языков, где наблюдается дифференциация губных шумных в анлауте, являются огузские языки. Сопоставляя данные азербайджанского, турецкого и туркменского языков, А.М.Мамедов выделил следующие группы слов с лабиальным шумным в анлауте: а) слова, имеющие во всех сопоставляемых языках только b- (бир 'один'); б) слова, в которых в одних языках представлен р-, в других b-, и наоборот. Аз. бармаг ~ тур. рагмак, туркм. бармак; тур. piŝimik ~ аз., туркм. биширмэк; аз., тур. balta ~ туркм. palta.

Привлечение письменных памятников не разъяснило динамики становления губного анлаута в этой группе языков (Мамедов, 1979, с.9-11). Проблема media lenes, часто возникающая в связи с употреблением звонких гласных в анлауте этих языков, связана с типом фонологического противопоставления шумных в языках огузской группы. В этих языках противопоставление идет не по наличию-отсутствию голоса, а по степени напряженности. Так, "в азербайджанском языке в пре- и поствокальной позиции в односложных словах звонкие смычно-взрывные согласные b и d противопоставляются соответствующим глухим согласным p и t не по участию голоса, а по интенсивности и длительности" (Вейсалов, Исаева, 1987, с.108). Учитывая сложную историю этих языков, в формировании которых

приняли участие не только огузские, но и кыпчакские племена, можно предположить, что разница принципов организации фонологических систем (сильные-слабые, звонкие-глухие) могла вызвать противоречивое восприятие шумных согласных, это положение было закреплено и усилено последующим междиалектным смешением.

Но якутский язык по характеру шумного губного анлаута оказывается обособленным от языков этих двух групп, по другим параметрам (лексика, морфология) ему наиболее близких, так как оппозиция р - б в якутском явно вторичного происхождения и связана с массовыми заимствованиями русской лексики.

Явная вторичность оппозиции б ~ р заставляет отнести якутский в группу языков с одним шумным губным согласным в анлауте. Это такие языки как башкирский, казахский, каракалпакский, киргизский, караимский алтайский, хакасский (в эту группу входит и язык древнейших рунических памятников).

Вторая позиция, в которой в якутском противопоставлены глухие и звонкие шумные губные - это позиция после сонорных л и г. Сочетаемость сонорных с шумными звонкими губными довольно ограничена, б может употребляться после л, г и j, у шумных глухих возможности сочетания несколько шире, р употребляется после л, г, п и т (Дьячковский, 1977, с.138). В позиции после г можно подобрать квазиомонимы: кырпа 'недорослый, недошлый' ~ кырбаа 'бить, ударять, драться'; Чарба 'название реки' ~ чарпа, чаппа 'осколок, всякий дразг...'. Если принять гипотезу о первоначальной глухости тюркского консонантизма и о появлении звонких в результате ослабления глухих в определенных позициях, то нужно признать, что в данном случае изменение шумных сонорных в якутском языке может иметь и противоположную направленность: -р < -б < -т-. Например: чарпа 'осколок' сопоставим с тюрк. чарба, жарма, где -ма аффикс образования имен от глаголов, в языках огузской группы он стал очень важным формообразующим аффиксом. В старейших тюркских памятниках он встречается довольно редко, не имеет широкого распространения он и в якутском языке: сүрбä 'поток', сыылба 'вялый', талба 'отборный'. Деназализация анлаута аффиксов для якутского языка, так же, как и для ряда других тюркских языков, в том числе и тюркских языков Сибири, явление обычное, более редким является оглушение б (<т), после сонорного. Появление глухого согласного в этом аффиксе встречается и в других словах: чомпо

'обмакивание, погружение', ср. др.т. њот 'нырять, окунаться', хампа 'старость, ветхость, разбитость', ср. др.т. qam 'сваливать, сбивать'. Сочетание тв- в современном якутском не встречается, но нежелательное стечение согласных могло быть изменено и другим образом (ср. таммах 'капля' от там+бах). Причина изменения -т->-б->-р- после сонорных может быть связана с упрощением групп согласных -тр-+б-, -рт-+б-.

Например: үөмпүтүм < үөмп+бүт+үм от үөмп, үөм, үөн 'красться, подкрадываться', хаампытүм < хаамп+быт+үм, от хаам, хаамп 'идти (шагом, пешком), ходить, прохаживаться' (Бётлингк, 1989, с.226-236).

Но это не объясняет все случаи т>(б)>р и б>р после сонорных, такие изменения имели место и в заимствованиях из монгольских языков: як. бырпас 'вспыльчивость, горячность в характере', бырпастыгас 'сморщенный, раздражительный, характерный'. Ср. бур. birbai 'делать кислое лицо, выражать неудовольствие'; кирг. (Юд.) бурбуй 'вытянуть в трубочку сморщенные губы', бурбунда 'сильно злоствовать'; як. сампаи, сымпаи 'короткие волосы в хвосте у лошади' < монг. бур. hämbä, халх. saçal sambe; хомпоотор 'горбатый, выгнутый, пустой' < монг. орд. хомбогор, хомbö, калм. хумбä (Kałużyński, 1978, s.76; 1961, s.143).

Таким образом, оказывается, что в этой позиции где б - р в якутском противопоставлены как фонемы, они могут быть возведены к одному прототипу: б или б<т. Исходя из этого можно сделать вывод, что фонологическая оппозиция б - р сформировалась на собственно якутской почве и связана с изменением сочетаемости сонорных и шумных согласных в тюркском слое якутской лексики и с массовыми заимствованиями из монгольских и русского языков, например:

1. сүүрбэ < др.т. jegirmi, тарпыт 'тянувший' < тарт+быт, где быт < др.т. -mis, түрмэ < русск. тюрьма.

2. албын 'обман' ~ булпут 'наша охота, добыча' ~ алмаас 'алмаз'. албын < монг. письм. albin 'id', булпут < булт+быт (<др.т. -mis); алмаас < русск. алмаз.

3. салбаа 'облизывать, обсасывать' ~ илпит 'унесший', где салбаа < тюрк., тур., ног., тат.диал. йалма, каз., каракалп. жалма 'лизать, ..., глотать' ~ илпит < илт+бит (< др.т. -miš).

Как видно из приведенных примеров, в формировании оппозиции шумных губных в позиции после сонорных большую роль сыграли изменения тюркского *m*. В формировании фонологической оппозиции губных согласных важную роль играли два процесса, связанные с изменением дистрибуции *m*: 1) назализация анлаута слов и 2) деназализация анлаута аффиксов, вызванное действием нового закона сочетаемости согласных, согласно которому сонорный не мог предшествовать шумному.

Вторичный характер носит и сложившаяся оппозиция шумных в группе переднеязычных согласных. В этой группе указанная тенденция к озвончению не имела места, большая устойчивость к изменениям вообще характерна для центральной группы согласных в тюркских языках. Оппозиция шумных переднеязычных складывается в результате влияния монгольского языка и в результате расхождения закономерностей сочетаемости согласных в неразложимых основах и на морфемных швах при присоединении словоизменительных и формоизменительных аффиксов. Переднеязычные согласные составляют такую же симметричную систему, как и губные: шумный глухой смычный. Фонологическая оппозиция *t* - *d* имеет место в анлауте и инлауте (в интервокальном положении и после сонорных).

Анлаутный *d*- встречается в целом ряде тюркских языков: это языки юго-западной (азербайджанский, турецкий, туркменский и т.д.) и северо-восточной (тувинский, тофский) групп. (О появлении *d*- в кыпчакских языках см. Schütz, "Remarks on initial *d*- in kipchak languages", АО, 1972, pp.369-381). На происхождение этого *d*- существуют различные точки зрения, которые можно свести к двум противоположным утверждениям: в пратюркском языке был один анлаутный дентальный смычный - глухой (сильный) *t*, а звонкий (слабый) *d* появился в результате позиционного озвончения, влияния последующего гласного, иноязычного влияния, под воздействием фазовой фонетики и т.д. (Рясянен, 1955, с.138; Щербак, 1970, с.90-91; Гаджиева, 1974, с.110). А.М.Щербак считает, что *d*- в огузских и тувинском языках появился в результате ослабления анлаутного *t*- и слабый (звонкий) был результатом этого процесса, а сильный (глухой) представляет исходную ступень.

Сторонники другой точки зрения восстанавливают для пратюркского анлаута два смычных *t*- и *d*-, а для алтайской общности три: *t*-, *d*-, *δ*-. В.М.Иллич-Свитыч развил гипотезу о наличии в ал-

тайском анлауте троичного противопоставления по характеру смычки для гуттуральных, дентальных и лабиальных.

Таким образом, с точки зрения сторонников этой гипотезы, турецкий и другие огузские языки в этом отношении архаичнее древнетюркских языков, так как они "сохраняют (в несколько измененной форме) пратюркское противопоставление *d*- и *t*-" (Иллич-Свитыч, 1971).

В отличие от группы губных смычных, где, согласно этой концепции, выпадает сильный **p*^c- (>*h*->*θ*-), в группе переднеязычных изменяется самый слабый *d*- (*δ*), который в тюркских языках (в отличие от монгольских и тунгусских) спирантизуется и дает *j*-. Первая ступень по степени напряженности *t*^c и вторая *t* в одних тюркских языках совпадают в *t*-, в других сохраняется оппозиция шумных переднеязычных в анлауте.

В наиболее ранних памятниках древнетюркской письменности анлаутный *d*- почти не встречается. Его нет в орхонских, енисейских и уйгурских памятниках. В словаре Махмуда Кашгарского он встречается очень редко: в I-ом томе 7 слов, во II-ом - 4 слова, в III-ем - 10 слов (С.М.Муталлибов, 1960, 1961, 1962). Махмуд Кашгарский указывает, что переход *t*- > *d*- характерен лишь для огузов и их родичей, но во многих словах, которые рассматриваются в словаре как огузские, сохраняется *t*- (Korkmaz, 1973, s.294-304). Об употреблении *d* в литературных памятниках Средней Азии см. (Brockelmann, 1954, s.28-29). Как доказательство вторичного характера огузского *d*- можно рассматривать и то, что халаджский язык, сохраняющий черты древнего языка аргу, имеет в анлауте *t*- (Derfer, 1971, s.171). Среди тюркских языков Сибири наличие фонологической оппозиции анлаутных неносовых смычных характерно лишь для тувинского и тофского языков. Систему анлаутных смычных близкую тувинской описывает Э.Р.Тенишев в саларском и сарыг-югурском языках (Тенишев, 1963, с.11-15). Близкая система описана в языке уйгуров-урянхайцев.

В тувинском языке противопоставление сильных и слабых согласных имеет последовательный характер в анлауте, инлаут и ауслат - возможны лишь слабые. На основную оппозицию по силе-слабости накладывается дополнительная по звонкости-глухости (Исхаков, Пальмбах, 1961, с.86; Сегленмей). В тофском языке силь-

ные согласные в анлауте довольно редки и употребляются в ограниченном числе слов (Рассадин, 1971, с.60).

При сопоставлении тувинского t^c и d с языками огузской группы, а также с саларским и тофским, показало, что случаев несовпадения тувинского d- огузскому d и тувинского t^c огузскому t- больше, чем совпадений (Левитская, 1965, АКД). Часто расходятся и тувинские и тофские анлаутные дентальные:

'хлебные посевы, зерно' тоф. daga ~ тув. тараа
'девять' тоф. dohos ~ тув. тос
'шуба' тоф. ʒop ~ тув. тон (Рассадин, 1971).

Обстоятельно разбирает соответствия t- и d- в огузских и тувинском языках А.М.Щербак (Щербак, 1970, с.90-95), он приходит к выводу, что "слова с начальными глухими (сильными) с одной стороны, и слова с начальными звонкими (слабыми) с другой, не образуют последовательно разграниченных рядов даже внутри группы огузских языков". К другому выводу при анализе того же материала пришел С.А.Старостин (Старостин, 1991, с.6-12).

Якутская система анлаутных дентальных смычных не объясняется ни из огузской, ни из тувинской. Огузскому и тувинскому d- в якутском регулярно соответствует t. Совпадение якутского d- с огузским или тувинским d- происходит лишь в отдельных словах.

В тех случаях, когда анлаутный d- совпадает в тувинском, тофском и якутском языках, слово, как правило, оказывается заимствованным из монгольского: 1) як. дэгдэй 'приподниматься над землей' // тоф. deude- 'вознестись на небо', старописьм. монг. degde 'подниматься вверх, воспарить, взлететь', ойр. degde 'подняться вверх, вырасти'; халх. дэгдэ, бур. дэгдэ, калм. дэгд-; 2) як. дэлэгэй 'обильный, обширный' // тоф. delehej 'мир, земной шар' // тув. делегей 'мир', старописьм. монг. delekei, ойр. delekei, халх. дэлхий, бур. дэлхэй.

То есть якутский язык по характеру анлаута шумных переднеязычных согласных отличается от огузских языков и группы восточных языков (тувинский, тофский, уйгуро-уряньхайский, саларский, желто-уйгурский), которая тесно связана с одним из диалектов древнего уйгурского языка. Но он сближается по этим параметрам не только с новыми и новейшими кыпчакскими языками, но и древним языком орхонских текстов.

С начальным d- вошли в якутский язык некоторые эвенкийские слова, например, далыс 'род передника'. Иногда начальное d- можно объяснить и озвончением. Так, О.Бётлингк послелог дйари производит от тii - 'достигать', а озвончение объясняет тесной связью с предшествующим словом (Böqhtlingk, 1851, s.159).

Но основной источник появления анлаутного d- - монгольский язык. Хотя якутский язык имеет склонность воспринимать монгольский анлаутный d- как глухой t- (1), в большинстве случаев он сохраняет монгольское d- (2) (Kałużyński, 1961, s.42-44).

1) taryi 'касаться' < монг. письм. dayari, MNT da'ari, орд. daari-, калм. däär-, халх. daerгь;

toluk 'выкуп' < монг. doliy, бур. dolig = др. т. juluy

'купля' > як. suluu 'калым';

таама, таты 'свалявшаяся шерсть' < монг. письм. daḡaki, калм.

daḡъ, dākə, бур. daḡi, халх. daḡi = тюрк. jaraуу 'необработанная шерсть' > (?) як. сабыртах 'волосы (шерсть) подле

висков, загривок'.

2) дэлэгэй 'широкий' < монг. MNT. delegei, письм. монг.

delekei, орд. delexi, халх. delxi, монг. кирг. tālāgāi;

dal 'загон' < монг. письм., халх., калм., бур. dal;

домнут 'предсказания' < письм. монг., халх., калм. dom.

Непоследовательность в восприятии якутским языком монгольских d- и t- может быть объяснена не только одновременностью контактов и теми изменениями, которые произошли в самом монгольском языке, но и тем, что закрепление d- в этой позиции связано с тем, что оппозиция t-/d- складывалась в течение какого-то времени и восприятие d- постепенно менялось. Анлаутный d- является результатом монгольско-тюркского двуязычия предков современных якутов. Стабилизации анлаутного d- могло способствовать то, что на якутский язык переходили большие группы эвенков, а для эвенкийского языка начальный d- обычен. Интересно, что мало отразившись в бытовой лексике, анлаутный d- очень характерен для звукоподражательных и образных слов и для собственных имен, особенно исторических и сказочных, причем некоторые из них не имеют монгольских параллелей. Например: Дыгын, Тыгын сын Эр Элляй-а (Антонов, 1971, с.109).

Оппозиция -t-// -d- в интервокальной позиции также связана со смешанным характером якутского языка. Древнетюркскому d в якутском соответствует большей частью t. Н.Д.Дьячковский даже высказал предположение, что древнеякутский язык вообще не знал d. Но в древних орхонских памятниках из-за особенности графики одним (вернее, двумя знаками в зависимости от рядности слова) знаком обозначались -d- < -d(δ) - и d < t, который возник на морфемных швах, обычно после глухих согласных (itdi, jišda, qontuqda), в первом случае закономерно древнетюркскому -d- (пратюркский межзубный d-) в якутском соответствует -t-, который совпадает с -t- < др. т. -t- (Porre, 1959, s.678).

'нога, ножка' - др. т. adaq, як. атах, хак. азак, тув., тоф. adak, алт., тел. аяк, тур. ayak, аз. ајаг, туркм. аяк;

др. т. adig- 'разделять, отделять', як. атырдах 'рогатка, вилы', туркм. айыр-, тур. ауиг-, хак. азыр-, алт. айры-, кирг. айыр, уйг. айри- 'отделять, разделять, разлучать';

'пеший, пешком' - др. т. jada, як. сатыы, алт. јоуу, тув. чадаг, хак. чадат, аз. јајаг, кирг. жөө, уйг. яйак.

Это соответствие г ~ d ~ t ~ z ~ j не представляет хронологически последовательной стадии развития (Дмитриев, 1955, с.326-328). Так, например, появление -j- вместо -d- более ранних текстов уйгурского письма в языке среднеазиатских литературных памятников вызвано влиянием все более распространявшихся с запада языков -j- группы. В словаре Махмуда Кашгарского встречается много вариантов слов с δ ~ d которым в языке "Атэбэт ул-хэкаик" (XI в.) и "Кыссас эл-энбийэ" (XIV в.) соответствует -d-. Имеются диалектные варианты чередования d - δ - й (Насилов, 1974, с.19; Малов, 1951, с.126; Brockelmann, 1954, s.29-31). Язык рунической и уйгурской письменности - это язык -d- группы. Но -d- венского списка "Кутадгу билиг", написанного уйгурским шрифтом, в каирской и наманганской редакциях может соответствовать не только -d-, но и δ, а язык желтых уйгуров, которых С.Е.Малов считал ближайшими потомками древних уйгуров-буддистов, -z- язык. Кроме желтых уйгуров, к -z- группе относятся хакасы и шорцы, а к -d- группе - тувинцы и тофы. Нарушая привычную схему, по которой западные языки относились к -j- группе, языком -d- группы оказался халаджский язык, сохранивший -d- языка аргу (Малов, 1951, с.126-299; Dørfer, 1971, s.162-163). Якутский язык обычно включается как -t- подгруппа в группу -d-

языков. Но это единственный язык, в котором -d- отразился как глухой. Только в некоторых памятниках δ может, как исключение, переходить в -t- перед последующими глухими: ätkü вместо ädgü 'хороший' в рукописях на брахми (Gabain, 1950, s.7), qodiqi > qodqi > qotqi 'скромный' и т.д. (Brockelmann, 1955, s.30-31).

Если древнетюркский -d- = як. -t-, то монгольский -d- (соответствующий др. т. -d- (δ) сохраняется:

як. кутурук 'хвост' < др. т. quduquq;

як. кудурган 'подбрюшник' < монг. quduγan 'подхвостник';

як. kädär 'в стороне, наоборот, противоположное тому, что следует' < монг., бур. хедег 'упрямый, строптивый, несговорчивый', халх. хедэг 'непослушный, упрямый', калм. kedг, (Ков.) keder 'свиный, вспыльчивый, гневный' > алт. (P 11 1134) kädär 'с норовом (о лошади)', саг., койб. kedär 'в сторону', тув. хädär 'грубоватый, упрямый', кирг. (Юд.) kidir 'задержка, помеха, препятствие', хак. kider 'запад, на запад' ~ тюрк., ДТС ked 'конец, задняя часть', kedin ~ kidin 'сзади, задний', kederti ~ kiderti 'сзади', кирг. (Юд.) kijin 'после, затем'; ср. як. kädärgi ~ kädirgi ~ kädirgä 'противоположность, противное направление, наоборот' < монг.: ков. gedergen 'задом, сзади', gedergü 'задом, обратно, назад', бур. gederge 'назад, обратно, вспять', халх. gedrэг 'id' > тюрк., кирг. (Юд.) kädärgi 'помеха, препятствие', каракалп. kädärgi, алт., тел. kädärgi 'находящийся в стороне' ~ як. kätä 'упорный, упрямый', kätäγägin 'противоположная сторона юрты', kätäh 'затылок, тыл, задняя сторона, задний' = тюрк. ДТС ked ~ ket 'конец, задняя часть', kedin ~ kidin 'сзади, в западном направлении, затем, потом';

як. атах 'нога' < др. т. adaq; як. адага 'пути, кандалы' < монг., бур. adaga 'пути'.

Хотя и монгольский -d- в якутском языке часто оглушается (Kähüžyňski, 1961, s.43).

як. хатаа 'забивать гвоздь, укреплять' < монг., монг. письм. qada-, бур. xada-, калм. хадь > алт., кирг. qada-, тув. kada-, каз. kaga, тат. када-;

як. сатамай 'дырявый, открытый' < монг., монг. письм. zadayai, халх. dzadъge;

як. сатаа- 'мочь, быть в состоянии' < монг. письм. čida-, бур. sada-, калм., халх. іšадь > алт., кирг. čyda, хак. syda; ср. як. дыдаа- 'не мочь, быть не в состоянии' < монг. письм. jada-, халх. јадь;

як. хотуур 'коса, косовица' < монг., монг. письм. qaduуr, халх., бур. xadur, ср. хадый- ~ ходуй- 'косить' < монг. письм. qadu, орд. xadu-, бур. xada-.

В приведенных примерах монг. *č*- и *ž*- отражаются как *s*-, что говорит о древности заимствования, поэтому можно предположить, что монг. *-d* > як. *-t* на более ранних этапах заимствования. Возможно, что часть слов с интервокальным *-d* попала в якутский язык в результате позднейшего притока какого-то тюркского диалекта, в котором процесс озвончения интервокальных согласных пошел дальше, чем в якутском.

Як. kudu 'тайком, незаметно', arуi kudu 'чуть не хватает, маловато (только о жидкостях)', kuduk 'неполно, недостаточно', kudugui- 'укорачиваться, понижаться (в цене), уступать (в условии)'. Ср. тув. qudu 'низкий, плохой, вниз, внизу', quduqu 'низкий, низший', qudula- 'понижаться, снижаться' = тюрк. ДТС qody 'вниз, внизу, находящийся ниже', qodyqu 'находящийся внизу, нижний' (от qod- 'класть, оставлять') = як. хоту 'север, на север, вниз по течению', хотугу 'северный';

як. dalbar 'всплывать на поверхность воды (об оцепеневшей рыбе весной и осенью)', dalbaryi- 'цепенеть, неметь, делаться бесчувственным, затмеваться', dalbar, dalbaryi (Слепцов) 'оцепенеть, застыть, замереть' = кирг. (Юд.) dalbar 'устать, выбиться из сил', dalbуга- 'изнемогать', dalai- 'ослабеть, стать вялым'. Ср. тюрк. ДТС tal 'лишиться чувств', тел., алт., шор., саг., койб., каз. и др. (Р III 87) tal 'уставать, быть усталым, слабым' = як. tal 'замереть, обмереть' (Каф.).

Именно это, смешанное происхождение якутского *-d* могло привести к диалектному чередованию *-t* ~ *-d*-, широко распространенному в якутском языке (Афанасьев, 1965, с.65-67).

С.Е.Малов к древним чертам тюркских языков относил наличие в них фонетических комплексов *rt*, *nt*, *lt* на морфемных швах, то есть они должны встречаться не только в неразложимых основах типа алтун 'золото' и алтан 'шесть', но и в ал-ты 'взял', а не ал-ды, как во всех тюркских современных языках (Малов, 1951, с.6).

Фонетические изменения на морфемных швах объясняются как действием звуковых законов, присущих современному якутскому языку, так и историей отдельных аффиксов *-d* в анлауте аффиксов часто восходит к сонорным *p* и *l*, этот процесс деназализации сонор-

ных в позиции после шумных - один из важнейших источников формирования оппозиции шумных переднеязычных согласных.

Консонантизм якутского языка сильно отличается от консонантизма других тюркских языков Сибири, но у них есть общие черты, которые позволяют предположить, что якутская система начинала перестраиваться по тем же законам, что и другие тюркские языки Сибири: из шумных согласных в ауслaute возможны только глухие. В интервокальном положении на морфемных швах - при присоединении вокально-начальных аффиксов - периферийные группы согласных озвончаются, а в основах их употребление невозможно (*p*) или ограничено (*x*, *k*). В отличие от них *-t* основы не озвончается перед гласными аффикса:

як. көт 'лететь' > көтөт 'заставить лететь'; сыт 'лежать' > сытар 'заставить лежать', ср. тув. тут-ар ~ тудар 'тот, что будет держать', алт. тут-ар ~ тудар; хак. чат-ар ~ чадар 'тот, что будет летать'.

Эта особенность сближает якутский язык с киргизским, в котором ауслautный *-t* также сохраняется перед гласными аффикса. И.А.Батманов предположил, что явление озвончения *-t* в интервокальной позиции развилось уже после того, как киргизы ушли с Енисея (Батманов, 1962, с.70). Но якутский и киргизский языки с языками Южной Сибири, а также с рядом других тюркских языков объединяет то, что *-t* и *-d* в ауслaute не противопоставлены, и это противопоставление не восстанавливается и после присоединения аффикса, начинающегося с гласной, в отличие от таких языков как туркменский, турецкий, азербайджанский.

Примером формирования вторичной оппозиции шумных согласных в якутском служит история образования фонологического противопоставления в группе заднеязычных и увулярных согласных. По сравнению со всеми тюркскими языками дистрибуция заднеязычных и увулярных в якутском языке существенно перестроилась, увулярные стали употребляться в словах с широкими гласными, ограниченная зависимость от рядности гласных сохранилась только в анлауте. На выбор заднерядного или увулярного согласного в большей степени оказывает влияние предшествующий гласный, гласный, следующий за увулярным, может быть и узким. Но *q* может употребляться и после узких твердоядных кратких гласных, но в этом случае последний гласный обязательно должен быть широким.

Закономерности употребления заднеязычных и увулярных внутри морфемы и на стыке морфем несколько отличаются: внутри морфем после сонорных *l* и *g* могут употребляться (в зависимости от качества гласных) и заднеязычные и увулярные, а при присоединении словоизменяющих аффиксов, имеющих в анлауте *k-/q* -, по законам ассимиляции, после *j*, *l*, *g*, так же как после узких гласных возможен только заднеязычный вариант. См., например, изменение анлаута аффиксов дательного падежа безличного склонения или аффикса принадлежности 2 л. мн. ч.:

агага, дьиэгэ, но уолга, сирэйгэ, догорго, а гагыт, дьиэгит, но убайгыт, уолгут и т.д.

Приводимая выше закономерность одна из причин, по которой заднеязычные и увулярные могут реализоваться в одинаковых фонетических условиях:

дьялга 'году' - дьялга 'рок, участь', уорга 'хребет, шкура вдоль хребта' - уорга 'гневу' и т.д.

Встречаются нарушения выше описанных закономерностей и не на морфемных швах, чаще это происходит в мягкорядных словах:

эгэ 'тем более, подавно' - эгэ 'задняя мысль, скрытый умысел', элэк 'насмешка' - бэлэк 'подарок' (Дьячковский, 1977, с.48).

Все это позволяет рассматривать *g* и *g*, *x* и *k* как самостоятельные фонемы. Первой группой проблем, связанных с формированием системы заднеязычных и увулярных в якутском языке является: 1) причины перестройки комбинаторных закономерностей употребления заднеязычных и увулярных вариантов; 2) время, в которое происходят эти изменения; 3) отношение противопоставления по месту образования и активному органу (заднеязычные - увулярные) и способу образования (смычные - проточные). Вторым фонетически релевантным противопоставлением согласных данной артикуляции является противопоставление по звонкости-глухости. В современной тюркологии существует несколько вариантов фонетических реконструкций пратюркской фонетической системы (Ramstedt, 1957; Porre, 1960; Щербак, 1977). Один из них строится сверху вниз - от алтайского или ностратического состояния к пратюркскому, другие восстанавливают пратюркскую систему, исходя из данных только или преимущественно тюркских языков. И в том, и в другом случае по количеству фонем эти системы оказываются очень близки к древнетюркским руническим памятникам. Но сами фоноло-

гические системы, опирающиеся на одну и ту же материальную базу, очень существенно отличаются. А.М.Щербак, рассматривая дифференциальные признаки и учитывая степень противопоставления по звонкости-глухости в живых тюркских языках, пришел к выводу, что общетюркский консонантизм был построен на противопоставлении шумных и сонорных, глухие и звонкие шумные являлись аллофонами одной фонемы и существовал особый ряд ротовых сонорных: *β*, *'*, *γ*, *j*. Другие авторы, точка зрения которых нашла отражение в "Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Фонетика", восстанавливают систему, где согласные, составившие у Щербака особый ряд сонантов, рассматриваются как звонкие щелевые *j*, *γ'*, *γ* (Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика, 1984, с.170-172), то есть они восстанавливают фонетически релевантную оппозицию по звонкости-глухости в системе шумных. Это проблема принципиально важная для понимания эволюции фонетической системы каждого отдельно взятого тюркского языка. В области рассматриваемой группы согласных восстанавливается либо противопоставление шумного *k*, представленного двумя аллофонами: глухим *k* и звонким *g*, и сонорного *γ*. Либо противопоставление шумного глухого смычного *k* шумному звонкому проточному *γ*.

Для якутского, а также для таких языков как алтайский (литературный и южные его диалекты) и киргизский, где наиболее последовательно произошло выпадение этого второго ряда согласных - звонких спирантов или ротовых сонорных - все современные заднеязычные и увулярные фонемы, существующие в их системах, должны, таким образом, возводиться к одной пратюркской фонеме *k/q*. Отсюда следует вторая группа вопросов, связанных с историей формирования этой группы согласных фонем в якутском языке: как сформировалось фонетическое противопоставление глухих и звонких согласных четвертой артикуляции в якутском языке.

Дистрибуция заднеязычных и увулярных шумных согласных в большинстве тюркских языков (нарушения отмечаются в чувашском и некоторых говорах татарского языка) связана с гармонией гласных - в мягкорядных словах употребляются заднеязычные согласные, в твердорядных - увулярные: гагауз. *qa:q* *qaq*, алт. *qa.g*, карач.-балк. *qaq*, ног. *qaq*, кумык. *qaq*, аз. *qaq*, каз. *qaq*, шор. *qaq*, тув. *хаq*, тоф. *qaq* и т.д. 'снег' (но тат. диал. *kaq*, чув. *jCg/jog*): гагауз. *kifi*, карач.-балк.

kiʃi, кум. giʃi/kiʃi, тат. keʃe, туркм. kiʃi, каз. kiʃi, алт. kɪʃɪ/kɪʃɪ/kiʃe, тув. kiʃɪ/kiʃɪ, аз., hɛʃi 'мужчина, человек'.

Только у согласных этой артикуляции и, реже, у l происходит смена локального ряда, у согласных третьей артикуляции меняется к тому же и активный орган в результате действия законов сингармонизма. Якутский язык отличается очень строго выдержанной гармонией гласных (и небной, и губной), он, единственный среди тюркских языков Сибири, не знает никаких нарушений гармонии: ни нейтральных гласных, как в диалектах хакасского языка, ни изменения рядности гласного под влиянием j, как в тофском, ни негармонирующих аффиксов. Нельзя также сказать, что рядность гласных не находит отражения в качестве согласных. Характеристика заднеязычных согласных в твердоядных и мягкорядных словах между собой значительно отличается. В твердоядных словах смычка происходит между задней частью языка и мягким небом, в мягкорядных словах место смыкания языка с небом значительно сдвигается вперед. Место образования заднеязычных варьируется в зависимости от качества соседних гласных (Дьячковский, 1977, с.42). На рисунке 7а в работе Дьячковского, передающем кинорентгенограмму слова сиик 'влага', настройку можно определить как межзубноязычную (Дьячковский, 1977, с.43). Следовательно, в якутском языке зависимость качества согласного от рядности гласных сохраняется (для узких гласных), варьирование этого качества оказывается ограниченным, оно происходит только в рамках заднего ряда, либо сдвигается вперед, захватывая межзубноязычную (а может быть, и среднеязычную) зону. Ср. количество оттенков, зависящих от вокального окружения, выявленных в экспериментальном исследовании других тюркских языков, например, куманд. k (k', γ', g', q', x, q, Q) (Селютина, 1983, с.100). Из числа возможных вариантов увулярные оттенки в словах с узкими гласными исключены. Можно предположить, что это ограничение охватывало когда-то и слова с широкими гласными, то есть на каком-то этапе развития якутского языка увулярная артикуляция вообще отсутствовала или была очень ограничена. Это подтверждается тем состоянием, которое мы наблюдаем в долганском и маргинальных говорах якутского языка, где употребление увулярных более ограничено, чем в якутском литературном языке и говорах центральной Якутии. Исчезновение или предельное ослабление увулярной артикуляции связано с действием двух факторов: действием субстрата, в котором отсут-

ствовала или имела другую дистрибуцию увулярная артикуляция и исчезновение всего ряда звонких спирантов (сверхслабых по Щербак).

Изменение дистрибуции заднеязычных и увулярных В.В.Радлов рассматривал как одно из доказательств того, что якутский язык по своему происхождению не может быть тюркским языком, так как уже в языке рунических памятников для k, m и для k, g существовали разные знаки, в то время как сами законы гармонии гласных не были еще столь строго выдержаны, как в якутском. Поэтому такое противоречие можно объяснить только тем, что закономерности сингармонизма были "навязаны чужому, не тюркскому языковому материалу". Одним из возможных источников такого влияния он считал какой-то древний монгольский язык и возможную причину сдвига видел в нейтральном i.

Сопоставление якутских шумных согласных с соответствующими согласными других тюркских языков позволяет установить, что при значительном сходстве консонантных систем, история их компонентов значительно отличается.

Так, в системе губных согласных якутский -b- будет соответствовать -β-, -b-, -p- и -m- других тюркских языков. В группе губных согласных наиболее последовательно проявляется тенденция к озвончению шумных, поэтому формирование фонологической оппозиции p/ /b получило своеобразный характер, оно тесно связано с процессом деназализации носовых в позиции после сонантов.

Вторичный характер носит и сложившаяся оппозиция шумных в группе переднеязычных согласных. В этой группе указанная тенденция к озвончению не имела места, большая устойчивость к изменениям вообще характерна для центральной группы согласных в тюркских языках. Оппозиция шумных переднеязычных складывается в результате влияния монгольского языка и в результате расхождения закономерностей сочетаемости согласных в неразложимых основах и на морфемных швах при присоединении словоизменительных и формоизменительных аффиксов. Среднеязычные согласные "заимствуют" оппозицию шумных, так как č- и hʒ в основном попали в якутский из монгольских и тунгусских языков.

Оппозиция по участию голоса в группах заднеязычных и увулярных согласных, так же как и губных, связана с инлаутом, преимущественно с постсонорной позицией. Появление глухого шумного в

интервокальной позиции объясняется расширением их дистрибуции под воздействием монгольских и тунгусских языков, а также с особенностью функционирования группы аффиксов с неизменяющимся анлаутом. В якутском, в отличие от большинства других тюркских языков, складывается фонологическое противопоставление между группой заднеязычных и увулярных фонем. Для якутского языка развитие оппозиции по локальному ряду оказывается очень существенным, оно превалирует над развитием оппозиции по характеру преграды, поэтому колебания типа аффриката-смычный у среднеязычных шумных или проточный-смычный у заднеязычных и увулярных не мешает правильному отождествлению фонем носителями.

Система шумных спирантов представлена в якутском единственной фонемой *s*. Разрушение тюркской системы спирантов и аффрикат в якутском связано с воздействием субстрата, для которого была типичной замена анлаутного *s* > *h* при сохранении *-s-*. Тюркский *s* > *h* > *ø*, тюркский *s* носителями этого субстрата был воспринят как проточный, так как среднеязычные в этом ареале имели смычную артикуляцию. Глухой *j* (*s-*), который был свойственен праякутскому языку, переходит в *s*. Возможно, что в этот же период начинает изменяться дистрибуция заднеязычных и увулярных, под влиянием субстрата, для которого ведущим при выборе того или иного варианта оказывался подъем окружающих гласных. Последовательность перестройки системы согласных якутского языка была нарушена мощным воздействием монгольского языка. Под влиянием которого в якутском появились анлаутные *hз* и *č*, сформировалась оппозиция шумных в группе переднеязычных и среднеязычных, усилилась оппозиция глухих шумных в группе заднеязычных и увулярных. Изменения, привнесенные монгольским суперстратом, весьма значительны. Они формируют базовую ось относительной хронологии. Разбивая все процессы на "до-монгольские" и "послемонгольские". Этот монгольский слой дает возможность и абсолютной датировки, но это требует дополнительных исследований истории монгольских языков. Сейчас временные границы этого процесса очень широки - от X-XI до XIV-XVI вв.

При снятии этих позднейших изменений восстанавливается система, предельно близкая к той, что наблюдается в языке древнейших рунических текстов. В анлауте единственный звонкий (слабый) *b*, глухие *t*, *q*, *s*. Преимущественное сохранение глухих в группе

шумных и в других позициях. Звонкие аллофоны появляются в анлауте некоторых аффиксов в позиции после шумных. Группе шумных противопоставлена группа малозвонких *b* (*β*), *d* (*ʹ*), *j*, *g* (*γ*). Периферийные малозвонкие имеют тенденцию к озвончению и спирализации и уже в древнетюркском дают *β* и *γ*. *ʹ* начинает изменяться в более ранний период, чем тот, который зафиксирован в языке рунических памятников, в тех диалектах, где группа центральных согласных не получила тенденции к озвончению, древнетюркскому *d* (*ʹ*) соответствует *t*, в большинстве других диалектов этот звук совпал с тем или иным согласным шумным *d* или сонорным *z*, *g*, *j*. Вхождение *j* в центральную или периферийную группу также определило характер его дальнейшего развития, входившие в центральную группу сохраняли преимущественно глухой вариант, и дали по языкам глухой рефлекс этого звука: як. *s*, чув. *š*, в других он дал преимущественно звонкий вариант, совпав с сонорным *j*. Дальнейшие контакты якутов с группами эвенков и эвенов на территории Якутии кардинальных изменений в фонологическую систему не внесли.

Такой характер праякутского и древнетюркской консонантной систем говорит о их переходном характере. Поэтому кажется очень убедительной гипотеза о существовании на более ранних стадиях развития тюркских языков тройной оппозиции шумных. Исходя из этой концепции, выдвигаемой для пратюркского языка В.М.Наделяевым и В.М.Илличем-Свитычем; можно непротиворечиво объяснить и наличиетаких 2 ареалов с развитой оппозицией шумных в анлауте как восточный (желтые уйгуры, салары, тувинцы, тофы, уйгуры-урянхайцы), понять характер соответствий между тюркскими и монгольскими языками.

При таком подходе древнетюркский оказывается весьма далеким от праязыкового состояния, это один из вариантов развития пратюркской системы, весьма близко к нему, но сохраняя некоторые более древние черты, стоит праякутский. Такое положение согласуется с мнением такого великолепного знатока древних и современных тюркских языков как С.Е.Малов, который считал, что якутский по некоторым его особенностям древнее языка древнетюркских текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Brockelmann C. Ostturkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelnaziens. Leiden: E.J.Brill, 1954. 429 s.

- Böhtlingk O.N. Über die Sprache der Jakuten. Grammatik // Middendorf A. Sibirische Reise. Bd. III, T. 1, SPx, 1851, 484 s.
- Dørfer Gerhadr. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen // Wiesbaden, Otto Harrossowitz, Bd. I, 1963. - S.560; Bd. II, 1965. - S.671; Bd. III, 1967. - S.670; Bd. IV, 1972. - S.650.
- Dørfer Gerhard. Khalaj Materials // Bloomington: Indiana university publications, 1971. - 331 p.
- Kaluzynski St. Jakutische Wortforschungen. Einsilbige Stamme // Central Asiatic Journal. Vol. VII, No. 3, 1962. - S.179-191.
- Kałużyński St. Mongolische Elemente in der Jakutischen Sprache // Warszawa: Panstwowe wydawnictwo, 1961. - 170 s.
- Ligeti L. Les anciens elements mongol dans le mandchou // Acta orientalia, t. 10, fasc. 3, 1960.
- Poppe N. Das Jakutische // Philologiae Turcica Fundamenta. Wiesbaden: Otto Harrossowitz, 1959. - S.671-684.
- Poppe N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Teil I, Vergleichende Lautlehre // Wiesbaden: Otto Harrossowitz, 1960. - 188 s.
- Ramstedt G. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, Teil I, Lautlehre // Helsinki: Suomalais ugrilainen seura, 1969. - 192 s.
- Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1971. - 174 с.
- Афанасьев П.С. Говор верхоянских якутов. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1965. - 176 с.
- Батманов И.А., Аргачи З.Б., Бабушкин Г.Ф. Современная и древняя енисеика. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1962. - С.259.
- Бётлингк О.Н. О языке якутов. Новосибирск: Наука, 1989. - 644 с.
- Вейсалов Ф.Е., Исаева Р.М. Акустические характеристики азербайджанских смычно-взрывных согласных // Советская тюркология, 1987, No. 5. - 108 с.
- Гаджиева Н.З. О трех этапах изменений анлаутных согласных в истории тюркских языков // Тюркологический сборник 1974, М.: Наука, 1978. - С.65-71.
- Дмитриев Н.К. Соответствие р//g//m//P//P//й // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. I. Фонетика. М., 1955.
- Дьячковский Н.Д. Звуковой строй якутского языка. Ч. II. Консонантизм. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1977. - 251 с.
- Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Введение; сравнительный словарь в - к. М.: Наука, 1971. - 370 с.
- Исхаков Ф.Г., Пальмбаха А.А. Грамматика тувинского языка. М.: Изд-во вост. лит., 1961. - 472 с.
- Левитская Л.С. Историческая фонетика чувашского языка. Автореф. дис. канд. филол. наук. Москва, 1966 - 28 с.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.: Л.: изд-во АН СССР, 1951. - 452 с.
- Махмуд Кошгарий. Девону дуготит турк. Т. I. Тошкент: Фан, 1960. - 499 с.; II 1961 - 427 с., III 1963. - 460 с.
- Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1971. - 252 с.
- Рона-Таш А. Общее наследие или заимствование? // Вопросы языкознания, 1974, №2. - С. 31-45.
- Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М.: изд-во вост. лит., 1955. - 222 с.
- Сегленмей С.Ф. Инвентарь согласных фонем современного тувинского языка // Исследования звуковых систем сибирских языков. Новосибирск: Наука, 1975. - С.87-99.
- Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М.: Наука, 1987. - 256 с.
- Тенишев Э.Р. Саларский язык. М.: изд-во вост. лит., 1963. - 55 с.
- Тенишев Э.Р. Смычные согласные в языке тюркских рунических памятников // Советская тюркология, 1973, №2. - С.40-45.
- Тенишев Э.Р. О наддиалектном характере тюркских рунических памятников. Л.: Наука, 1976. - С.164-172.
- Убратова Е.И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М.: изд-во АН СССР, 1960. - 151 с.
- Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.: Наука, - 204 с.
- Список сокращений:
 ДТС Древнетюркский словарь. Л., 1969
 Р Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. I-IV. СПб 1893-1911

Юд. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. М., 1965
QBN Кутадгу Билик (Наманган).

- аз. - азербайджанский
- башк. - башкирский
- бур. - бурятский
- др.т. - древнетюркский
- кумык. - кумыкский
- монг. - монгольский
- монг. письм. - монгольский письменный
- монгор. - монгорский
- тоф. - тофский
- тув. - тувинский
- халх. - халхасский
- хамий. - хамийский
- хотан. - хотанский
- эвенк. алд. - алданский говор эвенкийского языка
- як. - якутский